

Венец «МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ»

«Исполнение духовной музыки – это в первую очередь для Бога», – считает регент московского храма св. Николы в Толмачах Алексей Пузаков

Владимир Ковальджи

Если опросить меломанов во всем мире, то словосочетание «русская духовная музыка» в большинстве случаев вызовет первую ассоциацию именно со «Всенощным бдением» Сергея Рахманинова. Во всяком случае, одну из первых – наряду с его же «Литургией» и подобными циклами Петра Чайковского. Конечно, можно возразить, что «самое знаменитое» еще не означает автоматически «самое лучшее»: ведь здесь имеет значение тот факт, что Рахманинов и Чайковский – светские композиторы первой величины, имена которых знает весь мир, и в силу этого любое их произведение просто обречено быть более известным, чем подобное же, но принадлежащее перу не столь популярному. Но, с другой стороны, А.Д. Кастальский, самый яркий и авторитетный представитель «новой московской школы» церковной музыки, назвал «Всенощную» Рахманинова «венцом московской шко-

Сергей Рахманинов.

Фото 1910-х гг.

цертного зала, а не для храма. И доводы для такой точки зрения имеются вполне веские... Что вы думаете об этом?

– Для начала немного уточним понятия. То богослужение, которое несколько последних веков совершается в наших приходских храмах и называется Всенощным бдением, по сути, таковым не является. Сейчас от длившегося когда-то действительно всю ночь богослужения остался

это музыка, услышанная и записанная человеческим духом, которая ставит на первое место слово Священного Писания и молитвы, и в силу этого никак не являющаяся светским произведением.

Несколько девальвировали труд Рахманинова частые обращения к нему многочисленных, нецерковных, светских музыкальных коллективов. Ведь мы слышим то, что слышим, и, к сожалению, обычно нецерковность исполнения приписываем самому произведению. А записей исполнения «Всенощной» Синодальным хором, которые потрясли Москву в 1915 году, не осталось. То, что эта музыка по своей сути подлинно церковная, у меня сомнений нет, но адаптация ее к современной церковно-певческой среде, где господствует (что совсем неплохо) эстетика XIX века, остается вопросом.

Надо сказать, что жанр авторской «Всенощной» (цикла неизменяемых песнопений воскресного бдения) гораздо «моложе» подобного цикла для литургии, который возник и быстро стал развиваться еще в конце XVII века, практически сразу после воцарения на русском клиросе партесного пения. А вот история авторских «Всенощных» к 1915 г. насчитывала всего тридцать с небольшим лет – первый в этой области стал в начале 1880-х Чайковский. Правда, этот его опус творческой удачей назвать трудно, но зато он многих подвиг на работу в этом направлении. В том числе и Рахманинова, в судьбе которого Чайковский вообще сыграл огромную роль.

– Что, по вашему мнению, отличает «Всенощную» Рахманинова от аналогичных сочинений приближенных той же эпохи: Архангельского, Чеснокова, Никольского, Гречанинова?

– Наверное, главное отличие духовной музыки Рахманинова заключается в невероятной свободе музыкального письма. Причем не в бунтарской свободе реформ как самоцели, не в надменной профессиональной свободе гениально-го композитора, решившего поразить современников. Я бы сравнил эту свободу со свободой разговора многострадального Иова с Богом, когда Иов спрашивал, а Бог отвечал ему. И в силу этого отличие заключается в восхити-

тельно непонятной глубине прозрения «светского» композитора в тайны, которые пытается осмыслить богословская традиция.

– Вы начинали свой регентский путь в храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Ордынке, который был в свое время особо известен благодаря хору Н.В. Матвеева. Там было практически единственное место в Москве, где периодически звучала духовная музыка Рахманинова и Чайковского. Вы были свидетелем исполнения Матвеевым именно «Всенощного бдения»?

– Да, вы правы. Около тридцати лет живу «Всенощную» Рахманинова можно было услышать только один раз в год в упомянутом вами храме. Я застал последние годы этой традиции. К исполнению музыки Рахманинова за богослужением хор готовился заранее. Репетиции в пустом храме производили на меня гораздо более сильное впечатление, чем последующее, возможно, более эмоциональное исполнение этой музыки на службе. Там было много народа, блеск паникадил и позолоты иконостаса в стиле ампира, и все это не сочеталось с музыкой, требующей тишины и покоя. Как сейчас слышу «Благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим...», плывущее под сводами пустого полутемного храма.

– Советскими искусствоведами любое обращение к духовным и церковным темам великих поэтов, писателей, художников и композиторов стандартно трактовалось в том духе, что они, мол, использовали это как повод воспеть «гуманистические идеалы», «общечеловеческие ценности» и т.п., но сами, конечно же, мракобесием (то есть верой в Бога) не страдали...

– Сейчас другие времена. Однако ныне нередко можно встретить перекося в противоположную сторону, когда тех же людей поголовно пытаются представить глубоко верующими, православными и церковными. Что далеко не всегда было так... Поэтому постарайтесь быть беспристрастными. Что мы знаем о религиозности Рахманинова, автора самого известного рус-

ского духовно-музыкального сочинения?

– Свидетельств о религиозности автора «Всенощной» почти нет. Я знаю лишь два. Первое – это неформальный подход к исповеди перед вступлением в брак. Сергей Васильевич попросил принять его исповедь знаменитого тогда и ныне почитаемого верующими отца Валентина Амфитеатрова.

И второе свидетельство – духовная музыка, которая писалась не по принуждению, не на заказ, а по велению сердца. Других свидетельств нет. Но нужно ли их искать, когда при желании все можно услышать?

– Когда в феврале 1915 года регент Синодального хора Николай Михайлович Данилин впервые познакомил певчих с музыкой «Всенощной», проиграв партитуру на рояле, то заметил: «Это только кажется, что трудно. Трудно исполнять на рояле, а в хоре легко». Конечно, учитывая высочайший класс синодальных певчих, это может быть и так. Однако с этим трудно согласиться. Чес-

ноков, например, или Архангельский – это люди, которые многие годы работали с хором и великолепно изучили свойства этого уникального «инструмента» – что для него удобно и органично, а что нет. И это глубокое знание специфики хора ясно видно в их сочинениях. Рахманинов же практикующим регентом никогда не был (хотя, кстати, первым исполнением своей «Литургии» Рахманинов дирижировал сам), и его музыкальное мышление было в большей степени инструментально-оркестровым, чем хоровым. Во всяком случае, мне, глядя на партитуру «Всенощной», совсем не кажется, что это произведение является для хора «легким». Тем интереснее услышать комментарий на эту тему от вас, регента, постоянно исполняющего эту музыку.

– Я согласен с этим. Более того, по моему мнению, «Всенощное бдение» невозможно для исполнения на уровне авторского замысла. Эта музыка написана как будто для ангелов, колоколов, стихий небес-

ных и земных, которые пронзают и озаряют, как нетварные лучи, слова Божественного Откровения. К этой музыке, так же как и к святости, можно только пытаться приблизиться, и с каждым шагом будешь открывать все новую красоту и понимать, как ты еще далек от истины.

Но спросите любого певца, какое духовное произведение интереснее всего исполнять? Ответ будет почти всегда одинаков – «Всенощную» Рахманинова. Эта музыка притягивает к себе, как магнит, и ее хочется петь снова и снова.

Уже много написано о том, что песнопения «Всенощного бдения» основаны на древних распевах, но само по себе это не прорыв. Все направление «московской школы» было нацелено на гармонизацию и использование в композиции духовной музыки знаменного и прочих распевов. Но ни у одного автора вы не найдете такого переплетения голосов, такой полифонии подлинных распевов. Здесь вы не встретите просто главную партию (чаще всего сопрано) и аккомпанемент (другие голоса): каждый голос (а их у Рахманинова 12), как человек в жизни, ведет свою единственную, главную для него партию. И все вместе эти голоса сливаются в единую неповторимую Божественную симфонию. Поэтому, несмотря на безусловную вокальную трудность исполнения, певцы очень любят этот цикл, как каждый из нас любит саму жизнь, невзирая на все связанные с нею скорби и тяготы.

– С одной стороны, вы записали «Всенощное бдение» на компакт-диск и неоднократно исполняли его в Большом зале Московской консерватории. С другой стороны, эту же музыку вы используете целиком или частично за богослужением в храме. Вы делаете какую-либо разницу в манере исполнения в столь разном «контексте»? Тот же вопрос, впрочем, относится и к песнопениям Чеснокова, Чайковского и др.

– Разница, наверное, есть в силу воздействия и на хор, и на меня факторов, связанных с исполнением. Но специально я этой разницы не делаю, и в идеале ее, наверное, не должно быть. Любое исполнение духовной музыки – исполнение в первую очередь для Бо-

га, где бы ни находился сам исполнитель. Должна возникнуть (говоря схематично) вертикаль, а слушатель или молящийся может быть вовлечен в это действо – быть соучастником этого восхождения. В отличие от этой схемы взаимоотношения исполнителя со слушателем в чисто светских концертах строятся в форме диалога по горизонтали, хотя все это весьма условно. В первую очередь все зависит от каждой конкретной личности и от внутреннего устройства как исполнителя, так и слушателя, хотя исполнителя в большей степени.

– Ваш концерт в Большом зале 19 сентября был посвящен памяти Евгения Светланова. Почему основной программы является «Всенощная»? Ведь покойный маэстро над этим произведением никогда не работал, да и вообще был оркестровым дирижером, а не хоровым.

– С Евгением Федоровичем мы оказались связаны неожиданно для меня в последние дни его жизни. Этой весной в Лондоне проходил фестиваль русской культуры, организованный благотворительным фондом «Academia Rossica» (Великобритания), который открывал наш хор исполнением именно «Всенощной» Рахманинова в соборе св. Павла. На следующий день в рамках этого фестиваля Светланов последний раз поднялся за дирижерский пульт. Символично, что тоже исполнилась музыка Рахманинова – кантата «Колокола», последняя часть которой говорит о тайне смерти, являясь своего рода реквиемом. Уже через пару недель лондонские газеты писали: «Колокола отзвонили по патриарху русской музыки».

Через полгода мы совместно с фондом «Academia Rossica» решили, что будет уместно уже здесь, в Москве, исполнить «Всенощную» в память о Евгении Федоровиче как ярчайшем представителе, я бы сказал, «Синодальной школы» исполнительства русской музыки наряду с Головановым, Александровым, Свешниковым, Матвеевым. К этой традиции принадлежал и сам Рахманинов, который, как известно, хотел, чтобы его проводили в последний путь исполнением «Ныне отпускаеши» из «Всенощного бдения».

Рахманинов хотел, чтобы его проводили в последний путь исполнением «Ныне отпускаеши» из «Всенощного бдения»

лы!» Это очень серьезное признание, к которому нельзя не прислушаться. Тем не менее в церковно-певческой среде отношение к этому опусу великого композитора весьма неоднозначное, большей частью – отрицательное. Особенно в плане допустимости его звучания непосредственно за богослужением. Об этом и о других проблемах современной церковной музыки корреспондент «НГР» побеседовал с регентом храма святителя Николая в Толмачах Алексеем Пузаковым.

Чаще всего «Всенощное бдение» рассматривают как произведение для кон-

Регент Алексей Пузаков.